

Анкета // "Москвы"

Лучшая книга минувшего года // Москва. — 1967. — № 1. — С. 196-204.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА ГОДА

Подводить итоги литературного года стало уже традицией нашего журнала. Оставаясь верными ей, мы обратились к широкому кругу прозаиков, поэтов, критиков с просьбой назвать примечательную книгу минувшего года.

Полученные ответы предлагаем вниманию читателей в надежде и на их участие в нашей анкете.

Е. КНИПОВИЧ

О трудных судьбах можно писать по-разному. В одних случаях — прямо или в подтексте — речь пойдет о том, как мертвый хватает живого, как извечное «зло» безнадежно калечит характер и судьбу человека. В других случаях — «зло», историческое и социальное, будет точно названо по имени, и вся идейно образная ткань произведения ответит на вопрос, почему так или иначе сложилась судьба человека; с кем и за что он боролся, почему потерпел поражение или победил.

Действие новой повести В. Астафьева «Кража» разворачивается в заполярном городе Краесветске — на краю света, в детском доме, куда с разных концов земли нашей сперва сбились ребята, обездоленные в годы гражданской войны и интервенции, затем — сироты и безнадзорные начала тридцатых годов.

Как будто уж не первый раз встречается читатель с буйным населением детдома или колонии, в сознании членов которой сосуществуют и легкое отношение к чужой собственности, безответственность и склонность к самоутверждению с помощью своих кулаков, а рядом с этим — подлинное чувство товарищества и бескомпромиссной ненависти к попу, помещику, белогвардейцу (которых они знают преимущественно по книжкам и кинофильмам).

Но талантливый художник всегда говорит о том, что ему надо сказать, как в первый раз, заставляя и читателя видеть известное по-новому.

И тема повести «Кража» — это не столько история того, как меняется под воздействием советского образа жизни буйный коллектив, сколько повесть о том, как в тяжких условиях, через жестокий, необлегченный кризис формируется характер вожака, человека, идущего впереди, способного взять на свои еще полудетские плечи ответственность за свои и чужие поступки, за свою и чужую судьбу.

С Толей Мазовым — героем повести — мы расстаемся в самом начале его нового, взрослого человеческого пути, но у читателя нет сомнения в том, что путь этот будет прямым и достойным.

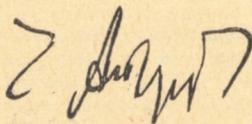
«Кража» — книга честной правды и того трудного, горьковского оптимизма, который мне лично особенно дорог в литературе нашей страны.

Э. Книпович

Чингиз Айтматов

Мне хотелось бы отметить не книгу, а отдельную статью, произведшую на меня очень большое впечатление. Напечатана она в восьмом номере журнала «Москва». Речь идет о публицистике Игоря Забелина «Человечество — для чего оно?».

Будет банально расхваливать эту работу. Каждый, кто ее прочтет, найдет для себя пищу для глубоких размышлений. И станет этот человек лучше сам в своих глазах.

Александр Яшин

Может, сотни лет, может, тысячи стоял себе среди лесов и полей на высоком угоре смолевой пенек, здоровый, как артельный пивной лагун, — в два-три обхвата. Много пеньков погнило кругом, а этот уцелел, хотя и с него слезала кора, словно разошедшиеся обручи. И такой этот пенек был весь сказочный, что должно было рано или поздно произойти с ним какое-то чудо.

Дымилось в стороне Круглое озеро, чернела и зеленела хвойная целина, зыбились болотные топи...

Чудо произошло. Вдруг из смолевого, из кондового пенька выскочил на свет божий, будто из сказки, живой человек, только не старичок-моховичок, а молодой крепыш, молодец-боровичок. Вышел он, небрежно отряхнулся, расправил плечи — и ожила, засветилась хвойная округа, запенилось рыбное озеро, запели птицы в полях и на лесных полянах, земля запела. А чтобы явь еще больше походила на чудо, вдруг у боровичка, как по волшебству, выросла густая прищвинская классическая борода.

Да, вот так! Поневоле начинаешь думать: «Не было бы чудес — не было бы и поэзии». Что стало бы с великой русской литературой, если бы на родной земле и посейчас не происходили время от времени подлинные чудеса. Да и вообще — что за жизнь без волшебников, без святой веры в силу поэзии, в правду сказки!

Могучий пенек этот стоит на моей родине, в Харовском районе Вологодской области...

А речь я веду о молодом своем друге, о прозаике и поэте Василии Белове. Это он несколько лет тому назад, когда я читал в рукописях наброски его первых рассказов, предстал передо мною выходцем из вечно живой народной северной сказки, а не просто из деревни Тимонихи, а потом — еще когда я был уже в Тимонихе — бродил с ружьем за белыми куропатками и рябчиками по окрестным лесам и луговинам речки Сохты, ловил рыбу вершами в озере и знакомился с людьми, с которых Василий Белов портреты пишет.

Одни названия деревень на Сохте чего стоят: Печиха, Тетёриха, Вахруниха, Лобаниха, ну и Тимониха, конечно! Село, где ныне сельсовет, называется Азла. Все будто из сказки!

А лучшего рыбака в Вахрунихе, друга Василия Белова, зовут не как-нибудь, а Фаустом: Фауст Степанович Цветков. Я сначала подумал, что это деревенское прозвище. А жена у Фауста — Кия.

Есть в этих деревнях и Африкан, и Агнийки, и Окули. Есть и просто Марьи, Дарьи, Парани, Матрены — те самые многотерпеливые и выносливые колхозные праведницы, на которых земля наша держится.

А в деревнях все еще целы огромные двухэтажные избы, с подвалами, с зимниками, многочисленными пристройками, чуланами, закутками, сенниками, хлевушками, коровниками, конюшнями (теперь пустыми) — все под одной крышей. И чего только не сохранилось еще в этих домах из старинной домашней утвари — долбленой, плетеной, вязаной и всякой прочей!..

В прошлом году Василий Белов напечатал удивительную повесть о своей деревне — простую и мудрую, трогательную до слез и глубоко правдивую. Он сумел увидеть в душе своих земляков такие лирические глубины, такую человеческую нежность и доброту, написал о близких своих с такой любовью, и состраданием, и радостью, что для сравнения на память приходят самые лучшие образцы нашей великой русской литературы.

Повесть Василия Белова «Привычное дело» появилась пока только в Петрозаводске, в журнале «Север» (№ 1 за 1966 г.), но все истинные знатоки и ревнители отече-

ственной словесности уже успели прочитать ее и порадоваться новому крупному таланту.

Читать эту повесть — истинное наслаждение. Язык ее чист и прозрачен, как родниковая вода в речке Сохте, — пей не напьешься.

Пересказывать повесть или говорить о ней больше, подробнее я не берусь, не решаюсь. Слишком еще близко она стоит передо мной, не улеглось волнение, вызванное ею. Я просто беру на себя смелость рекомендовать ее всем, кто не успел еще прочитать ее или не слышал о ней.

Александр Яшин

Сергей Баруздин

Есть определенная, почти неразрешимая сложность, когда тебя, читателя, просят назвать лучшую книгу года. Перечитать все изданное и опубликованное даже за один год у нас — дело немислимое. А ведь для того, чтобы назвать лучшее, надо знать и среднее, и худшее — надо знать все! Это же «всё», учитывая масштабы нашего книгоиздательства плюс сотни журнальных и газетных публикаций, — моря-океаны. И все же есть большой полезный смысл в том, что разные люди назовут разные произведения, кажушиеся им лучшими. Из субъективных оценок сложится нечто общее. С этим общим познакомится читатель. Из этого общего выберет то, что ему по душе. С чем-то поспорит. С чем-то согласится. Что-то примет. Что-то отвергнет...

С этими оговорками я скажу о том, что мне, лично мне, кажется примечательным в публикациях шестьдесят шестого года.

Не скрою, мне очень хотелось бы назвать три публикации — повесть даргинского писателя Ахмедхана Абу-Бакара «Снежные люди» (в переводе Вадима Лукашевича), повесть совсем молодого эстонского прозаика Энна Ватемаа «Монумент» (в переводе Леона Тоома) и новую книгу стихов и переводов Ярослава Смелякова «День России», опубликованные в этом году на страницах журнала «Дружба народов». К сожалению, мне, человеку, причастному к этому изданию, как говорится, не пристало говорить о них...

Так вот о другом, что поразило и обрадовало меня в этом году. Издательство «Советская Россия» выпустило в свет книгу Николаевича Михайлова «С планетой вместе». К слову сказать, неплохо выпустило, учитывая весьма средний уровень полиграфического исполнения наших книг: суперобложка, обилие фотографий, разнообразие верстки, даже нарушающий кондовые традиции формат — все это вполне прилично. Бумага, правда, и тут подкачала: жаль, что такая книга отпечатана на такой плохой бумаге... И все же о самой книге. Мне думается, что она не просто интересна, не просто значительна, а и по-настоящему уникальна. Вряд ли надо представлять читателю Н. Н. Михайлова. Напомним лишь название некоторых (не всех) его книг: «Над картой Родины», «Иду по меридиану», «Моя Россия», «Американцы», «Японцы» (две последние написаны совместно с З. В. Косенко).

В наше время, когда читатель имеет особое пристрастие к документальной литературе, когда документализм естественно вплетается в ткань многих художественных произведений, пожалуй, особо важный смысл приобретает работа Н. Н. Михайлова, которой он посвятил всю свою жизнь. Неугомонный, беспокойный путешественник, Н. Н. Михайлов прошел, проехал, проплыл, пролетел «нашу матушку-Землю» из конца в конец, вдоль и поперек. Северный полюс и полюс Южный. Острова Северной земли и все страны Средиземноморья. Антарктика и вся Россия. Европа и Азия. Африка и Америка. Весь Земной шар по меридиану и по широте. Наблюдательный, тонкий художник, Н. Н. Михайлов рассказал об увиденном так, что его книга «С планетой вместе» читается куда увлекательнее, нежели некоторые однообразно благополучные или псевдомелкие романы. Наш современник, Н. Н. Михайлов написал книгу о современном мире политически острую и одновременно очень человечную...

Вот почему в нашем многокнижье мне хочется отметить именно ее. Она — книга настоящая. Наконец, она — своеобразный подвиг писателя. Без подвижнического писательского, человеческого гражданского подвига не было бы этой книги. А об этом не грех вспоминать, когда мы думаем и говорим о явлениях нашей современной литературы.

Баруздин

Вс. Сурганов

В новой повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» есть строки о свежем снеге, который лег на горные вершины.

«Они стояли в поднебесье в безупречной своей чистоте, отчетливые на свету и тени, будто только что созданные богом. Там, где лежал снег, начиналась синяя бесконечность. А в ее глубине, в ее далекой-далекой сини проступала призрачная даль Вселенной...»

Такой я впервые увидел Киргизию, такой я узнал ее еще мальчишкой-подростком в позднюю и тяжкую осень сорок первого года. Барак-временка на окраине Фрунзе только что, покряхтывая, вместил в себя эвакуированных. Каждая семья со своей бедой, нуждой и тревогой, каждая без кормильца, с бесчисленными потерями, голодом и страдным путем, оставшимся за спиной, с тягостной неизвестностью впереди. Теснотища, груды скарба, духота, детский плач! Мы, ребята постарше, заторопились наружу, на воздух, отдышаться и оглядеться. И вот тогда-то навстречу нам, как и айтматовскому Танабаю, шагнули горы. Словно невесомые, едва намеченные в глубокой синеве легчайшими прикосновениями гигантской кисти, они сияли нежной облачной белизной над серыми каменными россыпями, обозначившими русло речушки, близ которой стояло наше новое жилье, над глиняными оградами-дувалами, над крышами домов и метелками устремленных в небо тополей...

Они казались неведомым небесным чудом, и холодная, безмолвная их красота рождала в душе противоречивые чувства. Здесь было восхищение, да такое, что петь и кричать хотелось. Но было и другое — слишком уж равнодушными и далекими вставали эти серебряные хребты над человеческим горем, хлопотавшим у их подножий, и виделось в том нечто кощунственное...

Потом я не раз остро переживал это двойственное состояние. Пожалуй, оно вообще определило пульс моих тогдашних мальчишеских впечатлений, сливая воедино хмельную радость и терпкую горечь бытия. Но вот что интересно — сейчас, много лет спустя, я начинаю понимать, что в этом слиянии и проявлялся его полнота, когда сердце дрожит натянутой струной комуза и отзывается на любое прикосновение жизни.

Думаю, что уже потому неравнодушен я к Айтматову: ведь в каждой из его книг звучит эта песня тревожного и ликующего сердца. И рождают эту песню те же знакомые, полузабытые мною созвучия, в том ряду и глухой перестук копыт, всхрапывание, размеренное движение горячих, сильных мускулов под тобою.

Нет, конечно, не чудесные скакуны — братья Гульсары — подчиняли тогда свою добрую стремительную силу нашим коленям и пяткам, а смиренные кони-работяги!.. И люди, которые работали и дружили с нами, носили другие имена, и судьбы их тоже были иными, нежели у айтматовских героев. Но когда я читаю Айтматова, мне постоянно чудится, что уже встречал я в ту, далекую теперь пору и Джамилю, и Танабая... Но это, так сказать, субъективно, через себя, через свою радостную и трудную память о Киргизии моей юности и военных лет.

Разумеется, есть в Айтматове и такое, что понятно и нужно каждому: и прежде всего его любовь к человеку и жизни. Она имеет точный адрес — Айтматов пишет о людях своего народа и своего времени. Но как раз поэтому она неизменно общечеловечна, эта любовь. И еще — она всегда в движении, потому что молодой писатель захватывает в своем поиске все более широкие жизненные пласты, заставляет звучать рядом с прежними все новые мелодии! И в их многоголосье постепенно и неуклонно нарастает тревожная и героическая тема человека, бесстрашно оседлавшего вздыбленное, бьющее время...

В новой повести эта тема становится ведущей. Струна, что в полную силу пела в «Джамиле», звенит и тут по-прежнему нежно и сильно, рассказывая о любви Танабая и Бюбюджан. Но это лишь один из голосов драматической симфонии, повествующей о жизни нашего современника, а значит, и о нашей с вами жизни. Большое и трудное раздумье — таков пафос этого романа. Раздумье об ответственности каждого человека за все, что он совершает ради общества и его именем, и одновременно об ответственности самого общества за любого из своих сыновей. Эти мысли об исторической справедливости и неправде, чья смертельная борьба не кончена и по сей день. О судьбе целого поколения хозяев и строителей, которые, азартно ломая непроворотную толщу старого зла, не сумели вовремя разглядеть новое, и ядовитые его побег, пробившиеся на перелопаченной ими пашне истории, чуть было не заполонили брошенный в ее недра добрый посев...

И еще — это поэма-притча о жизни иноходца Гульсары. Великолепная и трагическая эта фигура достойна отныне стать рядом с несравненным толстовским жеребцом Холстомером и младшим братом его — Изумрудом, о котором поведал Александр

Куприн. Не случайно на этих, посвященных Гутьсары, страницах, едва ли не ярче всего проявилось возросшее мастерство молодого художника. Эти страницы — радостное и несомненное свидетельство писательской зрелости, где каждый образ и слово — на месте, и любая картина поражает воображение и остается в памяти на долгий срок. А это уже качество воистину большой литературы, свойство книг, которые появляются у нас не всякий месяц и даже не всякий год, но зато, появившись, становятся событием.

Ник. Евдокимов

Назвать примечательную книгу 1966 года оказалось не такой уж простой задачей: ведь перебирая множество прочитанных произведений, хочешь остановиться на книге, ставшей для тебя действительно примечательной, оставившей след не только в твоей памяти, но и в чем-то большем. Ну, в мироощущении, скажем.

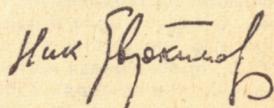
Лично для меня было открытием знакомство с книгой стихов Арсения Тарковского «Земле — земное». Его видение мира для меня не бесспорно (впрочем, что это за писатель, чье творчество — бесспорно? Если писатель бесспорен, то, значит, безлик и мелок). Для меня важно другое — книга стихов Тарковского полна какой-то страстной чистотой, предельной искренностью отношения поэта и к жизни и к своему призванию. Художнику, с таким откровением, с такой самоотдачей рассказывающему о своем понимании жизни, нельзя не покориться, ибо ничто так не вызывает доверия, не возвышает, не обезоруживает, а значит — вот парадокс! — и вооружает, как искренность, как правдивость, обнаженная правда чувства.

Быть может, именно поэтому для меня была весьма примечательна и другая книга, изданная «Советским художником», — монография В. И. Костина о творчестве художника Петрова-Водкина, человека, прожившего нелегкую жизнь, но не отступившего от своего понимания действительности и назначения художника.

Позиция художника, бескомпромиссно отстаивавшего революционность в жизни и в искусстве, — вот что особенно дорого мне, его искренность, правдивость. Ведь отношение художника к действительности и есть то главное, что, в конечном итоге, и составляет ценность и значение его для современников. Писатель не может быть иллюстратором событий, он обязан быть их толкователем. Для меня бесспорно, что такое понятие, как «тенденциозность», не бранное слово, не стыдное слово, как — увы! — еще считает кто-то. Тенденциозность — это позиция автора, это и выражение его «я» и выражение общественной его платформы. Чем глубже выражено это авторское «я», тем большую социальную окраску приобретает книга. Не сюжетом своим, не интригой, не словесной тканью — не только этим, — а в первую очередь именно такой тенденциозностью дорога и значима любая книга. Я немало прочел книг в 1966 году, но едва ли смогу назвать такой роман, такую повесть, которые стали бы для меня поучительны именно своей тенденциозностью, высотой своих гражданственных позиций, страстностью авторского зова, ищущего единомышленников и соперников. Как хорошо написаны многие книги чисто формально, как выпукло нарисованы в этих книгах не только подробности пейзажа, но и подробности быта... Однако мысль, мысль, как порою она бывает мелка, как одна книга похожа на другую, а следовательно, и как однообразны авторы. Формальный изыск, литературная изощренность в таком случае мало стоят, ибо они порождены ремесленником, но не истинным художником.

К сожалению, напористого, тенденциозного, страстного, отмеченного подлинной гражданственностью, поучающего читателя не назиданием, нет, а всей системой образов, их психологической искренностью, такой повести или такого романа я не прочел в 1966 году...

Но ведь я не все книги прочел...

Сергей Воронин

Конечно, мне не все удалось прочесть, но из прочитанного в этом году сильнейшее впечатление оставила небольшая повесть Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» Сила ее в глубине анализа нашего времени, показанного через судьбу человека.

С. Воронин

Ал. Михайлов

В многообразном потоке сегодняшней прозы меня поразила книга, необычная по жанру. Я имею в виду «Бездну» Льва Гинзбурга. «Повествование, основанное на документах», — так определил ее жанр сам автор. Конкретным поводом к ее написанию послужил Краснодарский процесс 1963 года, рассматривавший дело фашистской зондеркоманды «СС 10-а». Но в книге Гинзбурга захватывается материал более широкий, чем «деятельность» одной из многочисленных гестаповских групп, разбойничавших на нашей земле в годы минувшей войны. Это книга — раздумье о добре и зле, о бескорыстных патриотических подвигах и страшных преступлениях против человечности, о морали и долге, о психологии героя и убийцы, это острый публицистический документ, напоминающий людям о необходимости быть бдительными, пока существует на земле опасность новых войн.

«Бездна» читается как остросюжетное, захватывающее повествование. Мастерство документальной прозы уверенно подкрепляется блестящей публицистикой. Серия точных психологических портретов стирает ощущение документальности, хотя мы знаем, что речь идет о реально существовавших, а не вымышленных людях, и заставляет думать о мастерстве создания характера в художественных произведениях различных жанров.

Что же касается жанра документальной прозы, то, мне кажется, наша литература в последние годы накапливает здесь очень интересный опыт, который достоин внимания критики и читателей. Книга Льва Гинзбурга «Бездна» — новое оригинальное и чрезвычайно убедительное свидетельство возможностей этого жанра.

Ал. Михайлов

Григорий Бровман

Название «Пиво на дорогу» не расположило меня к чтению повести, опубликованной в седьмой книжке «Звезды». Да и имя ее автора, Юрия Галкина, было неизвестно. Тем не менее профессиональная потребность знакомиться с каждой новинкой заставила меня углубиться и в это произведение. Случилось то, чего я, признаться, не ожидал. Профессиональные интересы критика отодвинулись куда-то в сторону, и я просто как читатель почувствовал себя в плену неизвестного мне доселе литератора.

Чем же взял за живое Юрий Галкин? Идет повествование о судьбе человека, о радостях и превратностях жизни... Немало подобных историй знает литература, но ведь привлекают внимание и остаются в памяти только те из них, которые освещены свежим и органическим сцеплением передовых нравственных понятий и оригинальных художественных способностей автора. На мой взгляд, это свойственно повести «Пиво на дорогу».

О жизни своей героини крестьянки-колхозницы Аграфены Михайловны, по прозвищу Лебедуха, писатель рассказал с удивительной лаконичностью и в то же время с необыкновенной полнотой!.. Он не скрыл от читателя ни ее собственных промахов, ни обид, нанесенных ей другими, ни неудач ее, ни недостатков натуры. Но он и не ума-

лил ее человеческие достоинства, не обеднил красоту души, не убавил успехи ее на скромном поприще, ее способности противостоять жизненным трудностям и справиться с ними.

Мы знакомимся с Лебедухой, когда ей уже шестьдесят. Как бы вместе с ней неторопливо и осторожно, пользуясь доверительностью героини и автора, перелистываем страницы ее жизни. Крушение первой любви, затем еще одна неудача, наконец, замужество, проблеск счастья, рождение ребенка и... война, неутешное горе солдатской вдовы...

И вот снисходительно гордая, добрая к людям, чуткая к чужой беде, неутомимая труженица Аграфена в нелегкие послевоенные годы избирается председателем колхоза. Сложный, многообразный характер нарисовал Юрий Галкин. Я ощущаю в повести глубокую внутреннюю полемику с воспевателями отвлеченного праведничества и гражданской инертности в образе женщины-колхозницы, и улавливаю тут спор с теми, кто больше интересуется собственническими инстинктами деревни, чем поэтизацией деревенского труда. Вся жизнь Лебедухи, прошедшая перед нами в искреннем и трогательном, но не сентиментальном, а суровом в своей простоте, рассказе говорит о том, что вне близкой ей трудовой среды на земле отцов она задохнулась бы! «Она не могла бы жить где-то там, где нет ни этой избы, ни этой земли, окупанной до каждого комочка». Этому чувству Лебедухи веришь. Как веришь и Юрию Галкину, пишущему с большим доверием к жизни.

Л. Аннинский

Л. Аннинский

Сильнейшее читательское впечатление года — «Женщина в песках» Кобо Абэ. В этой повести удивительно слияние глубокой философской притчи и страшно точной реальности фактуры. Помните? Городской мужчина попадает в дом к одинокой женщине — крестьянке. Деревня на узкой полосе земли между дюнами и морем; крестьяне живут тем, что ежечасно отгребают засыпающий их песок. И вот, выследив в дюнах городского интеллигента, охотящегося за бабочками, они заманивают его в дом к одинокой женщине (нужны рабочие руки). И оставляют там навсегда: не может вырваться отсюда человек, не может без посторонней помощи подняться по песчаному откосу, решение же аборигенов бесповоротно — пришелец навсегда остается здесь...

Человек в яме. Человек и песок. Я хорошо знаю, что это притча, что двое героев посажены словно под колпак эксперимента, что истерические попытки интеллектуала выбраться из текущей ямы, сменяющиеся отчаянием и чувством полной обреченности, — это слово в дискуссии, это аргументы современного разума, рассуждающего о губельности чистой свободы и о пределах самоопределения личности в безликом, похожем на зыбучий песок море современной цивилизации.

Но что-то в повести Кобо Абэ пробивает эту современную, западного образца, структуру повести-притчи. Герой, кричащий, что его задерживают противозаконно, что он учитель в городе и что не хочет, отгребая здесь песок, сгубить свою перспективную жизнь, — это, конечно, олицетворение философской категории пустой свободы, попавшей в сеть жизненной необходимости... Но это и еще что-то: это потрясающая и реальная драма человеческих страстей, драма характеров и судеб.

Этот вот человеческий пласт в повести Кобо Абэ задел меня сильнее всего. Вся-то трагедия в том, что люди, задерживающие героя, — тоже ведь не виноваты. Ему казалось, что его все бросили, потому что полиция не стремится его найти, а крестьяне его несправедливо удерживают. Но с точки зрения жителей этой заносимой песком деревни именно они брошены и оставлены всеми, и по отношению к ним забыта всякая справедливость. Образ женщины, у которой живет герой, потрясет ощущением незлобивости, за которой угадывается пробужденная несчастьем душевная сила: если есть песок, то надобно жить, отвоевывая у песка живую землю, — не погибать же...

Кобо Абэ называют последователем Камю и Сартра — он ищет способность к сопротивлению в песчинке, затерянной в безличном потоке. Меня, однако, мало убеждают в этом смысле силлогизмы чисто интеллектуальной школы, хотя потомкам Декарта не откажешь в блеске. Повесть Кобо Абэ выросла на японской почве, в ней

жестокость изысканна и сострадание безмерно, и не силлогизмами, а лицами человеческими убеждает Кобо Абэ. Перечтите заглавие его повести, и вы почувствуете, где разгадка. Просто вижу ту молчаливую и упрямую женщину. Песок слеп и гибелен, но в самом деле — не погигать же...

Л. Анисимов

И. Гринберг

Казалось бы, совсем нетрудное дело объяснить, почему пишущему эти строки так много говорят новые стихи Ярослава Смелякова. Поэт прямодушен и деятелен, он ведет речь о многих и важных вопросах, ему близки и дороги люди доброй воли разных времен и народов. Все это так. Однако этими достоинствами обладают стихи и других наших поэтов. Что же особенное выражает, высказывает Смеляков, в чем прелесть и сила, свойственные словам, им произносимым?..

С. Я. Маршак как-то заметил, что своеобразие таланта тем труднее поддается краткому, сжатому определению, чем больше, значительнее личность художника. Обращаясь к книге Смелякова «День России», испытываешь потребность обсуждать каждое почти стихотворение в отдельности, так обильны содержанием эти страницы, так интересно развитие мысли, вольно и властно воплощаемой в напряженном, сосредоточенном слове. Вот вступительное, начальное — «Русский язык». Это и высокая, подлинная поэзия, и своего рода исторический очерк: здесь и татарское иго, и нововведения петровской поры, и переписка Курбского с Иваном Грозным, и Великая Отечественная война. А рядом: творцы безымянные и прославленные, народные песни и открытия великих мастеров. Все это сведено воедино, сопоставлено, охвачено в каких-нибудь девяти строфах, и не знаешь — чему больше дивиться: упорной работе ума, непосредственности душевного порыва или искусству, с которым любая строчка насыщается открытиями, сопоставлениями, характеристиками. В последнее время у нас часто толкуют о сближении науки и искусства. Право же, стоило бы теоретикам, обсуждающим эту проблему, обратиться к практике нашей поэзии, нашедшей ряд точных и смелых решений. Одно из первых мест здесь принадлежит Смелякову...

Быть может, это ему удастся еще и оттого, что он неумен, даже алчен в выборе тем, героев, событий, поглощаемых и освещаемых его стихами. Кого только мы не встретим здесь — от опального вельможи былых времен до деятеля современной Африки и от скромных селькоров двадцатых годов до легендарного Ивана Калиты... И все эти, разделенные немалым расстоянием во времени и в пространстве, примечательные каждый на свой лад люди по желанию поэта оказываются участниками единого грандиозного исторического действия, достигшего ныне своей кульминационной, переломной точки. Поэт различает прежде неясные, не оцененные черты, открывшиеся лишь нашему, социалистическому времени. Свежесть, острота, новизна характеристик, самобытных, несхожих и вместе с тем связанных меж собою, поддерживающих одна другую, и позволяет Смелякову так уверенно и свободно вести свою беседу, сочетая самые различные стиховые краски дерзко и оправданно. Старый, добрый хорей под его пером снова обретает молодость; бытовая зарисовка вдруг оборачивается истовой проповедью; добродушная шутливость приобретает ядовитость сарказма. Из многих элементов возникают прочные образные организмы. И мы снова убеждаемся в том, что искусство существует не для соблюдения жанровых правил и канонов, а, напротив, преобразует и творит, воплощая запросы и возможности своей эпохи. Смеляков не то чтобы откликается на них — он живет ими, они — его естество, суть его поэзии. Разумеется, он не исключение. Но в том-то и сказывается могущество нашей литературы, что общность стремлений, вдохновляющих ее мастеров, рождает совершенно самостоятельные миры образов. Мир, создаваемый Смеляковым, чудесен и реален.

И. Гринберг

А. Макаров

Воспроизвести подвластными тебе средствами явление другого вида искусства — воплотить в красках мир звуков или мир красок в слове — какая заманчивая цель! Стремление к ней существует испокон веков — образы поэм Гомера вызывали к жизни творения Фидия. И какие неожиданные творческие отражения духа произведения в зеркале другого искусства подсказывает память. Суровый Дант заговорил языком музыки в симфонической фантазии Чайковского «Франческа да Римини». Некрасовская печаль струится с полотна Перова «Похороны крестьянина». И совсем уже неожиданно в балладе Мусоргского возник щемящий образ верещагинского «Забывого», а в его «Картинках с выставки» благозвучными мелодиями зазвучали изящные акварели Виктора Гартмана.

А вот поэт Эдуардас Межелайтис отважился воплотить в слове мир Чюрлёниса. Это не первая его попытка средствами своего искусства выразить образы живописные, вызывая ощущение настроения, линии, цвета. Стихи «Левитан», «Сумерки Врубеля» были как бы подступами к попытке дать отражение мира художника в целом — философии, самобытной образности, неповторимой музыкальной, как называл ее Горький, живописи Чюрлёниса. Замечательный литовский художник был и живописцем и композитором, свое представление о вечном движении природы и вечных исканиях человеческого духа он выражал не только сочетаниями линий и цвета, но и сочетанием и соотношением тонов. Чтобы отважиться на попытку передать мир Чюрлёниса, мало любить его страстно, мало чувствовать родственную душу в художнике, нужно, подобно Межелайтису, обладать склонностью мыслить звуковыми и живописными образами.

«Мир Чюрлёниса» — не исследование, не рассказ о биографии и работах художника. Замысел поэта в том, чтобы воссоздать художественный облик творчества Чюрлёниса, одухотворенного высоким гуманизмом, вдохновленного исследовательской страстью познания мира в его развитии от первобытного хаоса к гармонии. Межелайтис видит в Чюрлёнисе предтечу новой космической эры, сторонника активной философии, выразившего тоску по гармоническому миру, одержимого художнической жаждой сотворения такого мира.

Для выполнения замысла Межелайтис привлек и стих и прозу, в своей книге он выступает то как охваченный восторгом поэт, то как критик-истолкователь, то как пламенный проповедник гражданских идеалов и взглядов на человека, которые он сам исповедует и как бы извлекает из образов Чюрлёниса. «Пройду, как образ входит в образ и как предмет сечет предмет», — невольно вспоминаются строки другого поэта, когда читаешь книгу Межелайтиса, настолько личность художника и личность автора взаимопроникли, слились, взаимопронизывают одна другую.

Искусство поэта чудодейственно воспроизвело певуче красочный мир живописца, где так дерзко смешаны жизненные реалии, фантазия и мечта, мир, который потрясает силой воображения и реалистической символикой. Мир загадочно манящий и чем-то очень близкий нашему времени, с его нынешними представлениями о Вселенной, с его борениями между прошлым и будущим, с его устремлением к идеалу. Завораживающий мир Чюрлёниса, касаясь которого испытываешь как бы мгновенный озноб, сменяющийся необыкновенным подъёмом чувств.

А. Макаров

Владимир Цыбин

Недавно вышел в издательстве «Советский писатель» сборник рассказов Георгия Семенова «Распахнутые окна». Меня всегда радовал ясный и отзывчивый талант этого прозаика, и то, на мой взгляд, немаловажное обстоятельство, что стиль у него — не барин, которого обслуживает сам писатель и его герои. Слово у него подчинено поступкам героев.

Сейчас критика редко обращает внимание на само слово. И это, пожалуй, не удивительно, потому что прозу захлестнул поток беллетристики. У Георгия Семенова слово — лакмусовая бумажка, проявитель правды характера. Пишет он просто и выпукло, чуть-чуть медлительно, но это письмо естественное, ибо пишет он теми словами, какими думает. Это стиль внутреннего голоса, стиль говорящей души.

Эта книга Г. Семенова распахивает перед нами мир с незаметной стороны, со стороны застенчивой внимательности людей друг к другу. Так, к примеру, рассказ «Серьеза» о том, как прошли мимо друг друга два необыкновенных мира человеческих характеров. Это рассказ об извечной тяге к любви и несвершенности ее, и еще о том, что есть на земле неразделенное чувство доверия. Что-то раннеосеннее есть в таланте Георгия Семенова.

Мы отвыкли от прозаической речи, которая диктуется поэзией, не строем, а сутью, умением улавливать оттенки и отклоняться от описательности. Рассказы Георгия Семенова поэтичны. Есть в них что-то от мечтательности и от доброй запальчивости. Рассказы его пишутся как бы на одном дыхании — без пауз, без сюжетных швов, вот почему они распевны.

Писатель всегда ценен миром людей, открытым им, своими героями. У Георгия Семенова есть свои люди, свойские, словно чуть в чем-то виноватые. Это люди обыкновенной жизни и необыкновенного сердца. Он их не проводит по путям судьбы, не описывает их жизнь всю, как она была, потому что боится жизнеописаний, он их описывает в тот самый момент, как встретится с ними, в самое обыкновенное время, словно желая этим сказать, что мир прекрасен каждый день, каждое мгновение, прекрасен своей необыкновенной обыкновенностью.

Вот почему я выделяю эту книгу. Конечно, обидно не сказать о книге Юрия Казакова «Двое в декабре» — книге глубокой и эпически спокойной, но Юрий Казаков широко известен. А говоря о Георгии Семенове, я преследовал и еще одну цель — привлечь читательское внимание к неизбалованному шумным успехом, чуткому и отзывчивому русскому писателю — Георгию Семенову.

В. Шолохов